

ЭМБЕРТОН

МАТВЕЕВА АЛЁНА



Алена Матвеева

Эмбертон

«Автор»

2026

Матвеева А.

Эмбертон / А. Матвеева — «Автор», 2026

В тихом городе Лирвен живёт Эмбертон — юноша, который всегда чувствовал себя особенным. Он умеет быть рядом с магией, не нарушая её течения, и замечать то, что другие пропускают. Однажды старый хранитель Вельмар открывает ему тайну: Эмбертон — пустой сосуд, способный вместить силу всех стихий. Чтобы наполнить этот сосуд, ему нужно найти пять древних артефактов, спрятанных в разных уголках мира. Каждый из них хранит силу одной из стихий: Огня, Воды, Земли, Воздуха и Эфира.

© Матвеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эмбертон

Глава

Город назывался Лирвен — не огромный, не шумный, будто специально построенный так, чтобы не пугать тишину. Дома тут лепились друг к другу, как старые друзья: каменные внизу, деревянные наверху, с резными наличниками и цветными ставнями. По крышам бегали солнечные зайчики, а по мощёным улочкам неспешно текли тени — город будто дышал в своём, чуть замедленном ритме.

Рядом с людьми тут жили и другие: в переулках, где пахло свежей выпечкой и мокрым камнем, важно расхаживали шурхи — небольшие существа ростом по колено, с пушистыми хвостами и ушами, похожими на лепестки. Они собирали крошки и сплетни, а взамен приносили удачу: если шурх тихо звякнул колокольчиком у твоей двери — день точно сложится. Над крышами кружили лунные стрижи — птицы с перьями, отливающими серебром; они ловили не мух, а обрывки чужих снов и иногда роняли их прямо в раскрытые окна, отчего по утрам в Лирвене часто снились одинаковые сны. У реки, где вода текла неторопливо и шептала что-то себе под нос, жили тихие водяные фонарики — крошечные, как светлячки, но с мягким светом, который не гас даже под дождём; вечерами они выстраивались вдоль берега, будто кто-то аккуратно расставил фонари, чтобы никто не заблудился по дороге домой.

Утро в Лирвене всегда начиналось с маленького чуда. У булочницы Марты каждый день случалось одно и то же: ровно на рассвете лунные стрижи садились на навес над прилавком и будто выдыхали из перьев серебристые искорки — и тесто в чанах поднималось быстрее обычного, а корки у хлеба получались золотистыми, будто их чуть-чуть присыпали звёздной пылью. Говорили, что если стриж сядет тебе на плечо — день будет добрым, но никто не решался стоять слишком близко: птицы не любили суеты. Однажды Марта тихонько позвала Эмбертона, который как раз проходил мимо с корзинкой для дров: «Постой спокойно, будто тебя тут и нет. Может, хоть на тебя сядут — а то у меня сегодня всё идёт наперекосяк». Эмбертон замер, втянул голову в плечи и даже дышать стал тише, а стриж, покружив над ним, вдруг опустился прямо на край корзины. На миг город будто затаил дыхание, а потом Марта рассмеялась и сказала: «Ну вот, значит, не зря ты тут ходишь — у тебя дар стоять так, что даже магия не пугается».

А ближе к полудню у реки случилась другая история. Старик Борн каждый день раскладывал на плоском камне лоскутки ткани и шептал над ними какие-то старые слова — не заклинания, а скорее колыбельные для ниток, чтобы они не путались и слушались иголки. И рядом с ним всегда кружились водяные фонарики: они садились на края лоскутков, и ткань начинала мягко светиться, будто в ней пряталась капля рассвета. В тот день Борн уронил катушку, она покатилась к воде, и фонарики вдруг вспыхнули ярче обычного, будто пытались её подсветить. Эмбертон, который шёл вдоль берега, не раздумывая прыгнул вперёд, подхватил катушку у самой кромки и протянул старику. Борн посмотрел на него, чуть прищурившись, и тихо сказал: «Ты не просто быстрый, парень. Ты видишь то, что другие пропускают». И с тех пор, если кто-то в Лирвене говорил про Эмбертона, обязательно добавляли: «Тот, что не мешает магии быть собой».

Эмбертон был высоким и худощавым, будто вытянулся вслед за солнечными лучами, что каждое утро скользили по крышам Лирвена. Светлые волосы вечно падали на глаза, и он то и

дело отбрасывал их нетерпеливым движением, а стоило кому-то сказать хоть слово смешное — на лице тут же расцветала широкая улыбка, такая искренняя, что даже хмурые люди невольно начинали улыбаться в ответ. Одежда на нём была чистая, хоть и старенькая: штаны с аккуратно заштопанным коленом, рубашка с чуть потёртыми манжетами — мать старалась, чтобы сын выглядел достойно, хоть денег в доме вечно не хватало.

Родители Эмбертона жили скромно, но честно: отец, крепкий и молчаливый, работал на городской кузнице помощником мастера — разжигал горн, носил тяжёлые заготовки, подмечал, как металл меняет цвет от жара, и делал всё так, будто даже простое дело заслуживает уважения. Мать трудилась в ткацкой мастерской у реки: перебирала нити, выводила узоры на полотнах, а когда над водой собирались водяные фонарики, она тихонько напевала им старые песни, и казалось, что светлячки подпевают ей тихим мерцанием. Они не обладали яркой магией, но умели видеть в рутине красоту и учили сына тому же.

В Лирвене почти у каждого жителя была своя сила — не громкая, не пугающая, а вплетённая в повседневность, как узор в ткань. Магия здесь делилась на пять стихий, и каждая проявлялась по-своему:

Огонь жил в тех, кто умел согревать: пекари, кузнецы, те, кто разжигал очаги. Их сила была в тепле, которое не обжигало, а берегло, — в умении заставить печь пылать ровно, без вспышек, или испечь хлеб так, чтобы он хранил жар ещё полдня.

Вода текла в руках тех, кто чувствовал ритм потока: мельники, рыбаки, ткачи. Они могли услышать, где река шепчет о перемене погоды, или заставить нити лечь ровно будто сама вода направляла их пальцы.

Земля дремала в мастерах камня и дерева: плотниках, каменщиках, садовниках. Их магия была в терпении — в умении почувствовать, где доска треснет, если нажать чуть сильнее, или где посадить цветок, чтобы он вырос не вопреки, а благодаря земле.

Воздух жил в тех, кто замечал перемены раньше других: гонцах, птичниках, пастухах. Они слышали, как ветер шевелит листья за три улицы отсюда, и могли предсказать, когда над городом соберутся тучи, ещё до того, как первые капли упадут на крыши.

Эфир — самая тихая стихия — принадлежала тем, кто хранил память места: старым рассказчикам, хранителям архивов, тем, кто помнил имена всех кошек в округе и мог найти потерянную вещь, просто постояв там, где её видели в последний раз. Их сила была не в действии, а в знании, что всё связано, и если прислушаться, прошлое само подскажет путь.

Эмбертон же был единственным в городе, у кого не было своей стихии. Он не мог заставить печь гореть ровнее, не слышал шёпота реки и не чувствовал, где дерево готово треснуть. Но в Лирвене к этому относились не как к недостатку, а как к особенности: говорили, что он умеет быть рядом с магией, не нарушая её течения. И когда лунные стрижи садились на его корзину, а водяные фонарики вспыхивали ярче, стоило ему наклониться за катушкой, в городе шептались: «Может, его сила в том, чтобы помогать чужой магии раскрыться».

Утро в Лирвене тянулось медленно, будто город нарочно не хотел торопить этот день. Эмбертон нёс отцу в кузницу обед — тёплый кусок хлеба с сыром, завернутый в льняную тряпицу, — и всё время поглядывал в сторону ткацкой мастерской у реки. Там работала Лина — та самая девочка, которая ему нравилась.

Лина была из тех людей, рядом с которыми даже шумный день становился тише. У неё были тёмно-русые волосы, заплетённые в простую косу, а в уголках глаз будто навсегда задержалась лёгкая улыбка — будто она знала какой-то очень хороший секрет и не спешила его

выдавать. Движения у неё были мягкие, неторопливые: когда она склонялась над станком, казалось, что она не ткёт, а уговаривает нити лечь ровно, и те слушались. Говорили, что в её руках даже самая упрямая пряжа становилась послушной — будто сама стихия Воды улыбалась ей в ответ.

В то утро Лина стояла у двери и придерживая створку локтем, и смотрела на площадь. Эмбертон хотел было подойти, сказать хоть что-нибудь — хоть про погоду, хоть про то, что хлеб сегодня особенно удачный, — но не успел.

Над площадью вдруг повисла странная тишина: даже шурхи перестали шуршать в переулках, а лунные стрижи сбились в плотную стаю и кружили, будто ждали знака. Холодок пополз по улицам — не тревожный, а какой-то непривычный, будто ветер принёс с гор запах далёких мест, незнакомых и чуть загадочных. Лина подняла голову, встретила взглядом с Эмбертоном и едва заметно улыбнулась — так, будто хотела сказать: «Посмотри, как странно всё сегодня».

И тут из-за угла выскочил маленький шурх — тот самый, что обычно сидел у дверей булочной. Сейчас он не звенел своим колокольчиком, а взволнованно пищал. Метнувшись к Эмбертону, шурх вцепился крошечными лапками в его штанину и прохрипел: «Там... у арки... что-то странное! Иди посмотри!»

Эмбертон оглянулся на Лину. Она всё так же стояла в дверях, спокойная и внимательная, будто сама тишина выбрала её, чтобы в ней ничего не потерялось. В её взгляде было что-то такое, отчего ему вдруг захотелось не просто постоять и посмотреть, а разобраться, что происходит. Не потому, что мир рушился, а потому, что в такие странные минуты хотелось делать что-то важное — хотя бы понять, почему стрижи кружат, а шурх так волнуется.

Он чуть помедлил, потом кивнул Лине, будто обещая, что скоро вернётся, и побежал туда, куда звал шурх, — к старой каменной арке. Но не потому, что город был в опасности, а потому, что сегодня в нём случилось что-то необычное, и Эмбертону хотелось быть там, где это необычное можно разглядеть поближе.

У арки и правда было на что посмотреть: в центре, там, где стыковались плиты, появилась тонкая, как волос, линия — чёрная, будто нарисованная углём. Она не ползла вверх, не оставляла инея, не грозила бедой — она просто была, будто кто-то провёл черту, чтобы обозначить границу между «как всегда» и «сегодня по-другому». Эмбертон наклонился, потрогал камень — он был тёплым, как и положено камню в середине дня. И всё же в этой черте было что-то, от чего хотелось узнать побольше.

Поэтому он развернулся и побежал не прочь, а к самому старому и тихому месту в городе — к дому Вельмара.

Вельмар, старый Эфир, жил на окраине, в доме, который будто прислонился к холму: стены поросли мхом, крыша была покрыта дранкой, а перед крыльцом росли странные цветы — почти прозрачные, словно сделанные из утреннего тумана. Говорили, что Вельмар знает не только прошлое Лирвена, но и то, как оно сплетается с будущим.

Эмбертон влетел во двор, тяжело дыша, и увидел Вельмара, сидящего на низкой скамье у двери. Тот не удивился — он редко удивлялся. Просто посмотрел на Эмбертона спокойными, чуть выцветшими глазами и сказал:

— Ты чувствуешь, как сегодня всё чуть-чуть не такое, как обычно?

Эмбертон кивнул, всё ещё глотая воздух после бега.

— И ты пришёл не за советом о травах и не за историей на ночь, — тихо продолжил Вельмар. — Ты пришёл спросить, почему у тебя нет магии... и может быть, как её найти — не чтобы спасти мир, а чтобы не остаться в стороне, когда мир показывает свои тайны.

Слова прозвучали так, будто старик вытащил их прямо из груди Эмбертона. Парень сглотнул и выдохнул:

— Да. Если есть способ... я хочу его узнать. Просто чтобы понимать, что происходит, когда всё становится странным.

Вельмар медленно поднялся, подошёл к двери и распахнул её, впуская Эмбертона в полумрак дома, пахнущего старыми книгами, сухими травами и чем-то древним — таким, что помнило времена, когда Лирвен был лишь горсткой огня на тёмном берегу.

— Входи, — сказал он. — И слушай. Потому что магия — это не то, что зажигают, как свечу. Иногда её находят там, где меньше всего ждут.

Эмбертон стоял на пороге дома Вельмара, всё ещё переводя дыхание, и чувствовал, как внутри шевелится что-то новое — не страх, не спешка, а будто тихий зов, который он наконец-то начал слышать.

Вельмар жестом пригласил его внутрь, и Эмбертон шагнул в полумрак, где пахло старой бумагой, сухими травами и чем-то ещё — таким древним, что казалось, будто этот запах старше самого Лирвена. Старик не торопился. Он закрыл дверь, сел у низкого столика, где лежала потёртая книга с кожаной обложкой, и посмотрел на Эмбертона так, будто видел не только его, но и всё, что парень пытался спрятать: и смущение, когда он поглядывал на Лину, и неловкость от того, что у него нет своей стихии, и упрямое желание быть хоть в чём-то полезным.

— Ты думаешь, магия — это когда у тебя с детства искра в пальцах или ветер шепчет тебе на ухо, — тихо сказал Вельмар, не открывая книги. — Но бывает и иначе. Бывает, что человек — как пустой сосуд. Не пустой от того, что в нём ничего нет, а пустой оттого, что он может вместить всё.

Эмбертон нахмурился, будто пытался поймать смысл, как скользкую рыбу.

— Сосуд... — повторил он. — Это про меня?

Вельмар чуть склонил голову.

— Да. Ты не принадлежишь ни одной стихии, потому что можешь принадлежать всем. Ты — тот, кто способен удержать в себе Огонь, Воду, Землю, Воздух и даже Эфир. Но пока ты — сосуд ненаполненный. И пока он пуст, ты чувствуешь себя лишним. А на самом деле ты — редкость. Такая редкость, о которой в Лирвене уже сто лет не вспоминали.

Эмбертон сглотнул. Слова падали в тишину, тяжёлые и важные.

— Но как... как мне стать таким? Как наполнить этот сосуд?

Вельмар провёл пальцем по обложке книги, будто погладил старую тайну.

— Не силой и не желанием. Через артефакты. Для каждой стихии нужен свой ключ — свой предмет, в котором сила живёт, дожидаясь того, кто сможет её принять. Артефакт Огня — это не просто камень или кольцо. Это что-то, что помнит жар: может быть, уголёк из первого костра, зажжённого в этих землях, или осколок металла, закалённого в пламени, которое не гасло три дня. Артефакт Воды — прозрачный кристалл, внутри которого всегда держится капля, не испаряющаяся даже в самый жаркий полдень. Артефакт Земли — камень, который будто помнит, как росли горы: он тяжёлый, но в нём есть покой, который передаётся тому, кто его держит. Артефакт Воздуха — что-то лёгкое, почти невесомое: перо птицы, которая летала выше всех облаков, или нить, сплетённая из утреннего тумана. А артефакт Эфира... — Вельмар помолчал, и в этом молчании было столько веса, что Эмбертон невольно подался вперёд. — Артефакт Эфира — это то, что хранит память. Может быть, старая карта, на которой отмечены не дороги, а моменты времени. Или шкатулка, внутри которой эхо чужих голосов не затихает, а становится яснее. В нём затаён сам Эфир — не как сила, а как знание, как связь всего со всем.

— И они... они где-то здесь? В Лирвене? — спросил Эмбертон, чувствуя, как в груди начинает биться что-то горячее и нетерпеливое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.